

Не всё коту масленица...

Бывает и великий пост. Такой именно великий пост наступил для епископа Переславского Домиана, приговорённого Владимирским трибуналом к тюремному заключению на всё время гражданской войны за контр-революционную пропаганду, которую сей досточтимый пастырь распространял с высоты церковного амвона среди пребывающих во тьме невежественного векового религиозного предрассудка народных масс, составляющих его, Домиана, покорную и послушную паству.

Не касаясь подробно сущности преступлений Домиана, за которые он понёс заслуженное возмездие от руки пролетарского правосудия, крайне интересно отметить здесь некоторые, наиболее характерные заметки из его дневника, случайно ставшие достоянием гласности и лёгшие в основу его обвинения наравне с противоправительственными проповедями. Через посредство этих заметок каждый легко может нарисовать в своём воображении почтенную фигуру его «высокоблагословения» во всей её контр-революционной полноте.

Известно, что сны могут служить отражением мыслей бодрствующего человека и показателем их характера и свойства. Посмотрим, какие же сновидения посещали владыку в момент нахождения последнего в объятиях Морфея. Вот ему снится, что с востока на Советскую Россию идёт Колчак с несметным воинством и духовенством впереди и что к Петрограду двигаются карательные отряды. Владыка так нетерпеливо и так настойчиво, по-видимому, ожидал и тех и других, что мысли об этом не покидали его даже ночью, назойливо сверля его благородный орган мышления. А если бы какому-нибудь счастливцу довелось увидеть его в момент сего приятного сновидения, то глазам его непременно представилась бы расплывавшаяся в самодовольную, блаженную улыбку лоснящаяся физиономия, а нежная, выхолненная рука «святого» владыки, вероятно, реяла в воздухе, ниспосылая «благословение господне» на движущиеся для сокрушения нечестивых православные рати. Но, увы, то был лишь сладкий, дивный сон! С наступлением рассвета владыка просыпался, возвращаясь из мира сладких грёз и мечтаний, к реальной действительности. «Когда же наконец это будет наяву», — страдальчески восклицает он.

Осенние успехи Деникина вновь окрыляют надеждой «чуткого» отца Домиана; взятие Харькова, Курска и подход почти к Туле наполняет его сердце большой радостью, им неожиданно овладевает оптимизм и он самоуверенно и самодовольно пишет в дневнике: «советских дней осталось-де совсем немного», и удивлённо при этом прибавляет: «и на что только они надеются». Он, вероятно, уже предвкушал близость падения советов и рисовал своему пылкому воображению картины — одна умиленнее и трогательнее другой.

Вот православное воинство, предводимое бравым белым генералом, вступает в белокаменную под громкий перезвон «сорока сороков», а навстречу ему духовенство в белых ризах с хвалебными гимнами на устах приветствует «освободителей», всюду ликование и клики, всеобщей восторг и радость.

Ещё бы не так, ведь эти картины знаменовали бы собою закабаление трудящегося люда в прочные путы эксплуатации богачами, и духовенству, этому верному союзнику капиталистов, досталась бы толика немалая за ихнее усердие и старание по части околпачивания несчастного трудового народа.

Но действительность зло посмеялась над пострадавшим пастырем; собрав могучую, несокрушимую силу, красные воины опрокинули «спасителей» и погнали их от советских твердынь с такой поспешностью, что те еле ноги унесли. Вновь возвращаются в советское лоно Курск, Харьков; красные уже под стенами Новочеркаска, этого осинового гнезда всякого контр-рево-

люционного сброда. Могильным холодом охватывает любвеобильное сердце отца Домиана. Тревога и сомнение проникают в него через зажиренные покровы и он мучительно и с ненавистью восклицает: «неужели опять одурачат простаков». (Здесь владыка начинает отмеривать несомненно уже на свой аршин.)

Эти и ряд других пунктов из его дневника рисуют нам Домиана как самого заядлого, чёрного, как осенняя ночь, и трусливого, как заяц, поборника реакции, столпа контр-революции и оплота тупой, невежественной обывательщины.

Не лишены интереса и другие цитаты из его дневника, но это уже будет иного свойства. Владыка, по-видимому, был подвержен, в сущности говоря, невинной людской страстишке: вкусно и сытно покушать, хотя это и расходилось с разными там умерщвлениями плоти, постами и молитвами, — но один бог ведь без греха, ибо хотя дух и бодр, плоть же немощна, и святой отец не составлял исключения из сего мудрого изречения. Так, за «святым» богослужением, торжественно возвещая из алтаря различные премудрости, в которых большинство из его пасомых могло разобраться не с большим успехом, чем раскрыть смысл каких-либо египетских иероглифов, владыка мечтательно мысленно проникает к себе на кухню, где его услужливая прислуга готовит для него разную снедь. «Служу, — пишет он, — всенощную; в соборе тепло, а дома подлещики в сметане — вкусно».

Неизвестный через одного из отцов передал ему пакет, а в нём оказалось пятнадцать тысяч. Привыкший к более щедрым подношениям, владыка замечает недовольно: «толика малая», забывая, по-видимому, о том, что по священному писанию богатому настолько же трудно проникнуть в царство божие, как верблюду пройти через иголки уши.

Один из дьяконов его епархии работает в культпросвете, владыка скорбит о поводе сего случая и сокрушённо замечает по адресу отступника: «сделался коммунистом».

По поводу предстоящего трудового субботника отец Домиан злобно и бессмысленно восклицает: «вот бы им ливня». Эта фраза достаточно красноречиво свидетельствует о степени его злобности к товарищам труженикам, о всей его внутренней пустоте и нравственном убожестве, граничащем с беспросветной духовной пустотой.

Во всех его заметках сквозит бессильная бешеная злоба, которою также был полон его взгляд, бросаемый им в суде. И чувствовалось, что каким только тончайшим инквизиторским пыткам не подверг бы этот пастырь во славу Божию тех, кто заставил его понести публичный позор за свои «заслуги» перед трудовым народом. Достойный пастырь, нечего сказать.

Мы от души приветствуем приговор Трибунала и желаем, чтобы он был применён к приговорённому Домиану без каких бы то ни было послаблений, так как верно выражено в приговоре, что никаких воспитательных приёмов к нему применять не следует, ибо это будет переливание из пустого в порожнее. Единственное для него исправление — это труд, в котором заключается высшая правда, в отличие от правды церковной, которая была на руку только плутам и мошенникам, к которым мы и причислим «преосвященного».

Присутствовавший на суде.